

Ильенков и язык*

И. Ганзел

В статье исследуется отношение Э. В. Ильенкова к феномену языка. Показано, что позиция Ильенкова имеет свои корни в его интерпретации понятия идеального, которая привела его не только к становлению приоритета понятия труда по отношению к понятию языка на общем (философском) уровне, но и по отношению к онтогенезу ребенка. Два дополнительных фактора формировали подход Ильенкова к исследованию феномена языка. Первым был его негативный подход к дисциплинам, которые исследуют структуру языка, прежде всего, к математической логике, логический семантике и философии языка. Вторым был его подход к философии Гегеля, в рамках которой он усваивает только ее составляющие, заимствованные и развитые Марксом, опустив при этом те элементы философии Гегеля, которые не были впоследствии разработаны Марксом. В статье дается анализ взглядов Ильенкова на процесс обучения слепоглухонемых детей в Загорске и показано, что эти взгляды противоречат взглядам на этот процесс, представленным в работах Мещерякова и Сироткина. В статье также представлена характеристика труда и его отношение к языку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ильенков, идеальное, труд, язык, математическая логика, логическая семантика, онтогенез, слепоглухонемые дети, Загорск.

ГАНЗЕЛ Игорь – Университет Коменского, Философский факультет, Братислава, Словакия.

Доктор философских наук, доцент кафедры логики и методологии науки.

hanzel999@hotmail.com

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2018 г.

Цитирование: Ганзел И. Ильенков и язык // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 117–127.

Ильенков об идеальном

Ильенков под влиянием Спинозы очерчивает сферу идеального путем разграничения между немыслящим и мыслящим телом таким образом, что в то время как движения первого определяются собственной формой этого тела, второе «испытывает и воспринимает вызванное внешним телом действие внутри самого себя как внешнее *тело*, как *его*, а не свою собственную форму, конфигурацию и положение в пространстве» [Ильенков 1974^a, 27–28], и где это испытание и восприятие является не пассивным, а активным. Мыслящее тело «активно строит (конструирует) форму (траекторию) своего движения в пространстве сообразно с формой (с конфигурацией и положением) *другого тела*, согласовывая форму своего движения (своего действия) с формой этого *другого тела*, причем *любого*» [Ильенков 1974^a, 33].

Эти размышления приводят его к характеристике мышления в наиболее общем виде, как «способность обращаться с любым другим телом, находящимся вне своего собственного тела, сообразно с формой, расположением и значением его в составе

* Исследование выполнено по гранту VEGA, номер 1/0036/17. The study was conducted under a VEGA grant number 1/0036/17.

© Ганзел И., 2019 г.

окружающего мира» [Ильенков 1977, 95]. Он признает, однако, что такой общей характеристике соответствует также деятельность животных и, следовательно, не может выразить специфику человеческого мышления. Эту специфику он находит в деятельности «с вещами, созданными человеком для человека» [Ильенков 1977, 95].

Понятие идеального Ильенков обрисовывает следующим образом: «Это форма вещи, но существующая вне этой вещи и именно в деятельности человека как форма этой деятельности. Или, наоборот, это форма деятельности человека, но вне этого человека, как форма вещи» [Ильенков 1979, 148]. В основе этого понимания лежит применение Ильенковым идей Маркса о функционировании денежных знаков в процессе товарного обмена.

Согласно Марксу, тот факт, что деньги приобрели статус денежного знака, основывается на их функции как меры стоимости. Это означает, что в процессе обмена товарами, физическое тело одного конкретного вида товара (золото) становится единственным носителем, воплощением стоимости всех тех товаров, на которые он обменивается. Но тем не менее эта физическая форма отличается от формы стоимости. Маркс выражает это следующим образом: «Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно, — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении» [Маркс 1960, 105].

По Ильенкову, форма стоимости

...«идеальна» потому, что не заключает в себе ни одного атома вещества того тела, в котором она представлена, ибо это форма совсем другого тела. И это другое тело присутствует здесь не телесно-вещественно — «телесно» оно находится совсем в другой точке пространства, — а только опять-таки «идеально», ни одного атома его вещества здесь тоже нет [Ильенков 1979, 150].

Исходя из этого, Ильенков дает следующее понятие идеального:

Идеальность, по Марксу, и есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности. Или, наоборот, форма человеческой деятельности, представленная как вещь, как предмет. «Идеальность» — это своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью, это форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности. Поэтому-то все вещи, вовлеченные в социальный процесс, и обретают новую, в физической природе их никак не заключенную и совершенно отличную от последней «форму существования», идеальную форму [Ильенков 1979, 148].

Ильенков использовал идеи Маркса о приоритете формы стоимости относительно денежного знака не только для введения понятия идеального, но и для другой цели, а именно для обоснования концептуального приоритета понятия труда по отношению к понятию языка.

Последовательность его рассуждений может быть реконструирована следующими шагами. Во-первых, деньги как мера стоимости являются основой для использования их в качестве чистых знаков; и эти знаки *как знаки* по самой своей природе не связаны ни со стоимостью товаров, ни с их стоимостной формой (которая идеальна). Во-вторых, таким образом, не существует внутреннего соотношения между деньгами как чистыми знаками и процессами обмена товаров. В-третьих, статусу языковых знаков аналогичен статус денежных знаков. По словам Ильенкова:

Непосредственно идеальное осуществляется в символе и через символ, т.е. через внешнее, чувственно воспринимаемое, видимое или слышимое тело

слова. Но данное тело, оставаясь самим собой, в то же время оказывается бытием другого тела и это — идеальное его бытие, как значение есть нечто совершенно отличное от его непосредственно воспринимаемой ушами или глазами телесной формы. Слово как знак, как название не имеет ничего общего с тем, знаком чего оно является [Ильенков 1962^a, 223].

Эти идеи привели Ильенкова к его пониманию соотношения труда и языка.

Ильенков о труде и языке

Отношение производства, основанного на использовании труда, к языку Ильенков характеризует следующим образом:

Без идеального образа человек вообще не может осуществлять обмен веществ между самим собой и природой, а индивид не может выступать действительным посредником между вещами природы, поскольку эти вещи вовлечены в процесс общественного производства и функционируют в нем в качестве материала, средств или орудий этого производства, а идеальный образ как раз и требует для своего осуществления «вещественного материала», в том числе языка с его языковой символикой. Поэтому общественный труд рождает потребность в языке, а затем и сам язык, речь [Ильенков 1962^a, 224].

Этой же точки зрения он придерживается более десяти лет спустя при рассмотрении отношения Гегеля к языку и мышлению. Для Гегеля, по его словам, «первой формой наличного бытия духа является язык (речь), а орудие преобразования внешней природы, орудие труда “выводится” из деятельности уже осознавшего себя в языке ‘духа’» [Ильенков 1974^b, 77]. И в качестве альтернативы Гегелю он заявляет следующее:

Материнским лоном «духа» и «мышления» выступает... материальная чувственно-предметная деятельность человека. Деятельность, обретающая свое «первое» наличное бытие в орудии труда и продукте, с помощью этого орудия произведенного — в сохе и хлебе, а не в слове «соха» и «хлеб». Не в артикулированных колебаниях воздуха, а в изменении куда более неподатливого материала — дерева, бронзы, земли, камня [Ильенков 1974^b, 77].

Стоит отметить, что Ильенков присваивает этому утверждению о приоритете труда над языком не только статус абстрактного, философского тезиса, но приписывает ему также эмпирическую истину в смысле онтогенеза ребенка. Об этом онтогенезе он заявляет:

Человеческая психика начинается... с умения жить по-человечески в мире созданных человеком для человека вещей. И чем шире раскрывается для ребенка этот мир, чем больше таких вещей вовлекается в сферу его деятельности — тем более и более разумным существом он становится. Когда этот — практический — разум сформирован, обучение языку и речи перестает составлять сколько-нибудь трудную проблему и становится главным образом делом техники [Ильенков 1991, 40].

Какой вывод можно сделать из того, что было сказано о точке зрения Ильенкова на соотношение между трудом и языком? Когда он анализирует подход Гегеля к мышлению и языку, он дает положительную оценку введению Гегелем понятия чувственно-предметной деятельности в концептуализацию логического процесса [Ильенков 1974^b, 73]. Эту положительную оценку он обосновывает следующим образом: «В этом — несомненная материалистическая тенденция диалектической концепции Гегеля, благодаря которой гегелевская диалектика и смогла послужить непосредственной отправной точкой развития диалектики Маркса и Энгельса» [Ильенков 1974^b, 74].

Это свидетельствует о том, что положительная оценка Гегеля Ильенковым относится только к тем аспектам взглядов Гегеля, которые, по его мнению, были интерпретированы и дальше развиты в трудах Маркса и Энгельса. Все остальное исключено из положительной оценки Гегеля и не может быть ни им присвоено, ни дальше развито. Здесь я имею в виду, прежде всего, взгляды Гегеля на язык упомянутые Ильенковым в [Ильенков 1973; Ильенков 1974^б; Ильенков 1974^в].

Причиной этого является факт, что ни Маркс, ни Энгельс *не предложили никакой разработанную концепцию языка*. Как следствие, Ильенков не смог *ни разработать свою концепцию языка, ни подключиться к тем ведущим дисциплинам изучающим язык и возникшим после смерти Маркса и Энгельса*. То, что первое из выше сказанного имеет место, будет показано при анализе его взглядов на обучение слепоглухонемых детей в Загорске, а то, что последнее имеет место, будет рассмотрено на последующих страницах.

Во-первых, Ильенков характеризует математическую логику «...как специальный раздел современной математики [которая] вполне сознательно ограничивает сферу своего внимания отношениями *знаков к знакам* в составе строго определенных *знаковых систем*» [Ильенков 1973, 125]. Поэтому математическую логику он характеризует как науку «о грамматической структуре речи; языка» [Ильенков 1997, 76], а также как науку о правилах «преобразования высказываний, т.е. одних сочетаний знаков в другие сочетания знаков» [Ильенков 1973, 125]. Однако внимания Ильенкова избежал тот факт, что центральным вопросом этих правил является сохранение и/или несохранение истины, где истина и ложь являются *вне-знаковыми* объектами.

Во-вторых, при подготовке немецкого перевода [Pjenkow 1979] его книги [Ильенков 1960] в середине 1970-х гг. Ильенков использовал в этом переводе некоторые части статьи «Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике» [Ильенков 1962^б]. Более пристальный взгляд на эту статью раскрывает, что концептуальное пространство размышлений Ильенкова о формальной логике было в 1962 г. очерчено произведениями советских авторов конца 1940 – начала 1950-х гг. [Асмус 1947; Кондаков 1954; Строгович 1949], которые не приняли во внимание результаты формальной (математической) логики, разработанной в то время на Западе. Как ни странно, Ильенков включил некоторые части упомянутой статьи в перевод своей книги в середине 1970-х гг., хотя, начиная с конца 1940-х гг. вплоть до начала 1970-х гг., в СССР было напечатано несколько переводов книг по современной математической логике, (например [Гильберт, Аккерман 1947; Тарский 1948; Клини 1957; Чёрч 1960; Клини 1973]).

В-третьих, одновременно с критикой экзистенциальной герменевтики Хайдеггера и логико-позитивистского подхода к языку, Ильенков выступил против их попыток отказаться от логики как науки о человеческом мышлении. Этот отказ, по его мнению, ведет к разделению предмета этой логики «между рядом узкоспециализированных разделов лингвистики, весьма непрочно связанных между собой, – между грамматикой, синтаксисом, семантикой, прагматикой и т.п.» [Ильенков 1987 web]. Последние три из перечисленных Ильенковым дисциплин очень тесно связаны: прагматика содержит семантику, которую можно получить путем абстрагирования от пользователей языка, в то время как семантика превращается в синтаксис путем абстрагирования от значения языковых знаков.

В-четвертых, критика взгляды экзистенциальной герменевтики на язык, Ильенков пытается объяснить социальные корни, из которых произрастают эти взгляды. Описание этих корней он дает следующим образом:

Дело в том, что эволюция позднекапиталистической культуры с ее разделением труда породила массу профессий, представители которых действительно живут исключительно в мире слов, в мире знаков, в мире символов, не имеющих почти никакого зацепления с действительностью... <...> Это... армии адвокатов... Это и представители так называемой «абстрактной живописи». Это и легионы журналистов... <...> Для этих и им подобных профессионалов язык действительно превра-

тился из средства выражения действительности в единственный предмет их работы, в тот материал, в котором и совершается вся их жизнедеятельность, их «преобразующая» материал работа. Для них и «естественна» иллюзия, согласно коей язык и есть «подлинное бытие», за которым и вне которого никакого другого «бытия» нет и быть не может [Ильенков 1987 web].

Так, по его мнению,

тайна возникновения «герменевтики» довольно проста — она раскрывается через элементарный анализ той калечашей людей формы разделения труда, которой человечество обязано зрелому капитализму. Превращая огромную массу людей, занятых в сфере духовного производства, в специалистов, вся жизнь которых протекает в мире знаков, символов и сооружаемых из этих знаков пирамид, а вся работа сводится к преобразованию одних вербальных комплексов в другие вербальные комплексы, эта уродующая форма разделения труда формирует и соответствующую такой жизнедеятельности форму «самосознания» [Ильенков 1987 web].

Эти так называемые капиталистические корни Ильенков рассматривает как действующие не только в западной философии, но и в *логической семантике* и *философии языка*. На этих корнях, он утверждает, «...растут, как грибы, разные философии: 'герменевтика', 'философия языка', 'логическая семантика', 'логический позитивизм' и им подобные карикатуры на классическую философию, в лоне которой когда-то действительно развивались диалектические традиции» [Ильенков 1987 web].

Эту его критику философии языка автор статьи рассматривает как еще одну причину, в дополнение к упомянутой выше, того, что Ильенков не осмыслил феномен языка. Это, как будет показано далее, оказало негативное влияние на его оценку процесса обучения слепоглухонемых детей в Загорске.

Из вышеприведенных четырех пунктов можно сделать вывод, что взгляды Ильенкова на то, что он называет формальной логикой, были сформированы в конце 1940 — начале 1950-х гг., то есть в период когда СССР отставал от уровня развития математической логики и логической семантики, достигнутого на Западе, и что до конца своей жизни он не принял во внимание уровень развития этих дисциплин, достигнутый в СССР до середины 1970-х гг.

Можно предполагать, что одной из причин было непонимание, что представители логико-позитивистской философии разработали основы современной математической логики и логической семантики. Так, например, Карнап был не только автором труда *Der logische Aufbau der Welt*, вышедшего в 1929 г., но и автором труда *Abriss der Logistik* того же года издания, который рассматривается в качестве первого учебника по современной символической логике. В этой связи стоит отметить, что, несмотря на Карнапов эмпиризм, он в тоже время создал основы логической семантики возможных миров.

То, что Ильенков столкнулся с проблемой отличия неопозитивизма и математической логики, можно видеть и в рукописи его письма в ЦК партии, где он жалуется на снижение влияния материалистической диалектики в СССР, идущее рука об руку с увеличением влияния других школ и направлений. Что касается их, он заявляет следующее: «В естествознании — это неопозитивизм, т.е. очищенная от всякого философско-мировоззренческого аспекта, чисто инструменталистски толкуемая 'логика' (математическая логика)» [Ильенков 2009, 378].

Слепоглухонемые дети в Загорске

Интерес Ильенкова к обучению слепоглухонемых детей в Загорске имеет свои корни в его концепции идеального с ее фундаментальным тезисом, утверждающим примат деятельности, осуществляемой в форме труда, над языком. Этот тезис можно понять на фоне следующего вопроса: «...какую из двух форм 'внешнего обнаружения'

мышления считать базовой. То ли говорение (придание определенной формы колебаниям воздуха), то ли производство вполне материальных вещей деятельностью руки (придание определенной формы камню, дереву, металлу)» [Ильенков 1974^а, 77].

По мнению Ильенкова, результаты обучения в Загорске подтвердили первую из этих двух альтернативных точек зрения, так как они показали, что онтогенез слепоглухонемого ребенка следует пути, состоящему из следующих трех этапов.

На первом, так сказать, «спинозовском» этапе задача и цель состоят в том, чтобы

...сформировать у ребенка не только потребность, но и умение самостоятельно передвигаться в пространстве по направлению к пище, корректируя это направление сообразно форме и расположению внешних тел — препятствий на пути к пище. Умение строить траекторию своего активного движения, согласующуюся с геометрией внешнего мира, меняя ее каждый раз в согласии с новой, неожиданной и заранее никак не предусмотренной... геометрической ситуацией... [Ильенков 1991, 34]

Метод, который применяется здесь, основан на приложении предмета (соски, ложки и т.п.) непосредственно к губам ребенка и где этот объект впоследствии сместится только немного, так что ребенок мобилизован сделать активное движение по направлению к нему. После этого расстояние постепенно увеличивается, так что ребенок, наконец, приобретает способность активно строить с помощью обоняния и осязания собственный путь движения, соответствующий форме и расположению предметов в окружающем его мире.

После того как ребенок приобретает эту способность, у него возникает определенная форма *психики*, присущая как животным, так и людям и которая характеризуется образами форм предметов в пространстве и самого этого пространства.

На втором этапе задача состоит в том, чтобы сформировать у ребенка специфически человеческую психику. Это достигается путем вовлечения слепоглухонемого ребенка в деятельность, в которой участвуют и другие люди (воспитатели), а также предметы, созданные в сфере человеческой материальной культуры. Этот этап основан, по мнению Ильенкова, на идее, что «человек... начинает активно приспосабливать природу к себе, к своим нуждам, к своим потребностям, к своим требованиям. Он вступает на стезю труда. *Труд и превращает его в человека*» [Ильенков 1991, 36].

Этому соответствует в процессе обучения слепоглухонемого ребенка понятие «совместно-разделенной деятельности», основанное на том факте, что ребенок и воспитатель совместно осуществляют физические операции с предметами с помощью других предметов, созданных в сфере человеческой культуры. Цель здесь состоит в том, чтобы ребенок постепенно приобрел способность самостоятельно выполнять эти операции. На основе этих операций с этими предметами

...ребенок осваивает и опредмеченный в них общественно-человеческий разум с его логикой, т.е. превращается в разумное существо... Ибо разум («дух») предметно зафиксирован... только в продуктах его труда и потому индивидуально воспроизводится лишь через процесс активного присвоения вещей, созданных человеком для человека... Вот этот-то вполне реальный разум... общественно-человеческий разум, возникший и исторически развившийся в процессе общественного труда людей, и присваивается ребенком, делается и его разумом [Ильенков 1991, 37].

Второй этап, как утверждает Ильенков, предшествует мастерству языка, которое приобретается слепоглухонемым ребенком только на заключительном, третьем этапе. Согласно Ильенкову, «...сформировавшийся уже интеллект составляет необходимую предпосылку усвоения речи. Раз он сформирован — слово усваивается легко. В обратном же порядке нельзя сформировать ни того, ни другого» [Ильенков 1991, 37].

Для проверки верности трехэтапной модели Ильенкова автор статьи сравнит ее как с моделью представленной Мещеряковым, который был организатором процесса обучения детей в Загорске до 1974 г., так и с взглядами С.И. Сироткина, который приобрел часть своего образования в Загорске, а затем закончил МГУ по специализации психология.

Мещеряков ограничивает в [Мещеряков 1968^а; Мещеряков 1968^б; Мещеряков 1971; Мещеряков 1974] описание этапов процесса обучения слепоглухонемого ребенка самими началами и в то же время *исключает из описания все те этапы, на которых ребенок приобретает язык*. На первом этапе воспитатель выполняет деятельность, воздействуя своими руками на руки ребенка, например, когда он умывает его руки. На втором этапе он включает в эту деятельность и деятельность рук ребенка, так что он постепенно приобретает образ этой деятельности. На третьем этапе активность ребенка постепенно увеличивается в рамках этой деятельности, в то время как деятельность воспитателя постепенно уменьшается. На четвертом этапе ребенок осуществляет деятельность, в то время как руки воспитателя пассивно следуют за движениями рук ребенка. На пятом этапе ребенок выполняет соответствующую деятельность, в то время как воспитатель наблюдает за этой деятельностью без участия его собственных рук. На шестом этапе число предметов, включенных в деятельность ребенка, постепенно увеличивается, так что они не имеют уже прямого отношения к удовлетворению элементарных («органических») потребностей ребенка. На седьмом этапе происходит постепенное отделение движений рук ребенка от манипулируемых предметов, но в то же время еще копирующих с помощью формы и/или движения рук внешней форму и/или операции с этими предметами. Здесь, по Мещерякову, возникают первые жесты ребенка.

Процесс, состоящий из этих семи этапов, Мещеряков характеризует более подробно следующим образом. Во-первых, как и заявил Ильенков, ребенок изначально приобретает образ предметов, включенных в его собственную деятельность, и где этот образ имеет статус «образно-действенного» отражения этих предметов [Мещеряков 1968^а, 159; Мещеряков 1968^б, 115].

Во-вторых, и вопреки Ильенкову он настаивает на *первоначальности (equiprimordially) обоих: и предметной деятельности, осуществленной совместно ребенком и воспитателем, и общения (коммуникации) между ними*. Он утверждает следующее:

образно-действенное мышление слепоглухонемого ребенка... обслуживает только функцию удовлетворения простейших потребностей. Вместе с тем, эта первая степень человеческого мышления возникает в процессе живого общения слепоглухонемого ребенка с взрослым человеком – без живого общения оно бы было невозможно [Мещеряков 1968^б, 115].

В-третьих, Мещеряков, в отличие от Ильенкова, использует семантическое понятие обозначения для того, чтобы охарактеризовать функцию, которую жесты выполняют по отношению к ребенку. По его мнению, «жесты дают возможность сформировать у ребенка понимание самой идеи обозначения, которая будет так нужна при обучении его словесному языку» [Мещеряков 1968^б, 117] и где эта функция обозначения объединена с коммуникативной функцией.

Упомянутая выше семантическая функция обозначения появляется также в статье [Сироткин 1977^а]. Здесь она вводится для описания тех действий слепоглухонемого ребенка, которые относятся уже не к его практическим операциям с предметами, а к его коммуникации с другими людьми, для того чтобы заставить их выполнить такую операцию, например, при изображении действия с отсутствующей ложкой, ребенок сообщает воспитателю, что хочет поесть [Сироткин 1977^а, 98].

Дальнейшее развитие семантической терминологии можно найти в статье [Сироткин 1977^б]. Следующие четыре особенности этой статьи стоит упомянуть на этом месте. Во-первых, он рассматривает уже начальную, совместно-разделенную деятельность ребенка и воспитателя как выполняющую одновременно две функции: матери-

ально-деловую и коммуникативную, то есть *ни одна из этих функций не имеет приоритет по отношению к другой*; обе они *одинаково первоначальные*.

Во-вторых, согласно Сироткину, процесс обучения слепоглухонемого ребенка приводит к развитию коммуникации в самостоятельный вид деятельности, которая характеризуется освоением идеи обозначения со стороны ребенка [Сироткин 1977⁶, 54].

В-третьих, согласно Сироткину, в жестах слепоглухонемой ребенок осваивает также семантическую функцию *значения*. Первоначально физическая форма жеста копирует форму манипулированного предмета и/или его перемещение в пространстве, так что внешний (физический) и внутренний аспект (значение) знака слиты вместе. Затем, когда эти два аспекта знака уже разделены, ребенок может использовать знак в коммуникации в качестве знака-жеста.

В-четвертых, в отличие от статей и книги Мещерякова [Мещеряков 1968⁶; Мещеряков 1971; Мещеряков 1974], Сироткин дает подробное описание развития средств коммуникации, освоенных слепоглухонемым ребенком, вплоть до овладения словесным языком.

Какие выводы можно сделать из описания Мещеряковым и Сироткиным процесса обучения слепоглухонемых детей в Загорске, по сравнению с описанием, которое дал Ильенков? Стоит отметить, что в то время как Мещеряков и Сироткин рассматривают труд и коммуникацию как одинаково первоначальные уже в раннем обучении слепоглухонемого ребенка, Ильенков настаивает на онтогенетическом приоритете первого по сравнению с последним. Кроме того, Мещеряков и Сироткин намеренно используют семантическое понятие обозначения, в то время как последний расширяет свой семантический словарь, вводя также понятие значения. Оба эти семантические понятия не используются систематически в работах Ильенкова в связи с тем, что он отказался работать в области, которую он назвал «философией языка».

Это означает, что *понятия, которые Ильенков разработал в своей философии, не могут ни описать, ни объяснить, ни направлять процесс обучения слепоглухонемых детей именно на тех этапах, на которых они приобретают язык*.

Какой вклад философия языка с ее понятиями может внести в этот процесс? Эта философия должна обеспечить концептуализацию таких центральных семантических характеристик языка, какими, например, являются *денотация, референция, имя пропозиции, имя понятия, имя функции, собственное имя* и т.п. Такая концептуализация впоследствии могла бы использоваться, например, для объяснения процесса обучения языку слепоглухонемых детей. Целью здесь могло бы быть объяснение процессов на тех этапах, в рамках которых ребенок постепенно приобретает способность к денотации, референции и способность использовать соответствующие типы имен.

Отсутствие философии языка у Ильенкова не подвергалось в 1970-х и 1980-х гг. критической рефлексии на фоне обучения в Загорске, так как Мещеряков в конце 1960-х и начале 1970-х гг. в своих публикациях не дал концептуальный анализ уровней языкового развития слепоглухонемого ребенка. Отсутствие такой критической рефлексии можно объяснить также тем, что оценка обучения в Загорске Ильенковым была подвергнута критике *не с точки зрения отсутствия* у него философии языка, а с совершенно иной точки зрения, а именно, что *он не принял во внимание влияние генетических факторов на онтогенез ребенка*.

Кто, таким образом, отсутствовал в споре о Загорске (представленном в [Сироткин, Шакенова 1988; Дубровский 1989]), была группа философов, которая бы объединила концептуализацию понятия языка с концептуализацией понятия труда Ильенкова и в то же время смогла бы учесть влияние генетических факторов на онтогенез ребенка.

В заключении автор статьи сделает попытку короткой концептуализации вышеупомянутого объединения, но без учета влияния генетических факторов. Последнее является предметом философской антропологии.

Что такое труд?

Так как Ильенков устанавливает приоритет понятия труда по отношению к понятиям идеального, мышления и языка и утверждает, что придерживается здесь взглядов Маркса, позвольте мне сравнить утверждение Ильенкова об этом приоритете с взглядами Маркса.

По словам Ильенкова,

...труд, реальное преобразование окружающего мира и самого себя... есть тот процесс — *совершенно независимо от мышления* начинающийся и продолжающийся, — внутри которого в качестве его метаморфозы *рождается и функционирует идеальное... рождается язык символов* (курсив мой. — И.Г.) как внешнее тело идеального образа внешнего мира [Ильенков 1974^a, 194].

Взгляд Маркса на отношение материального производства и идеального, однако, отличается от взгляда Ильенкова на это отношение. Специфику труда, осуществляемого людьми, по сравнению с деятельностью нечеловеческих существ Маркс очерчивает следующим образом: «В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [Маркс 1960, 189]. То есть Маркс не постулирует никакого приоритета труда по отношению к идеальному.

Маркс описывает процесс труда также другим образом. Здесь имеется в виду утверждение Маркса о совместно-разделенной природе этого процесса, которую он описывает с помощью терминов «продукт труда», «средство производства» и «предмет труда». Он заявляет следующее: «Одна и та же потребительная стоимость, являясь продуктом одного труда, служит средством производства для другого труда. Поэтому продукты представляют собой не только результат, но в то же время и условие процесса труда. <...> ...Средства труда и предмет труда сами уже являются продуктами» [Маркс 1960, 192, 195].

Тогда возникает следующий вопрос. Как деятельности участников производства, осуществляющих труд, могут быть согласованы друг с другом? Ответ, по крайней мере, на мой взгляд, в том, что социальная координация производственных деятельностей участников осуществляется путем совместно-разделенного языка.

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Асмус 1947 — *Асмус В.Ф.* Логика. М., 1947 (Asmus V.F. *Logic*. In Russian).

Гильберт, Аккерман 1947 — *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1947 (Hilbert D., Ackermann W. *Grundzüge der Theoretischen Logik*. Russian translation).

Дубровский 1989 — *Дубровский Д.И.* Слепоглухонмота. М., 1989 (Dubrovskij D.I. *Deaf-mute-blindness*. In Russian).

Ильенков 1960 — *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960 (Ilyenkov E.V. *The Dialectics of the Concrete and Abstract in Marx's "Capital"*. In Russian).

Ильенков 1962^a — *Ильенков Э.В.* Идеальное // *Философская энциклопедия*. Т. 2. М., 1962. С. 219–227 (Ilyenkov E.V. *The Ideal*. In Russian).

Ильенков 1962^b — *Ильенков Э.В.* Понимание абстрактного и конкретного в диалектике и формальной логике // *Диалектика и логика. Формы мышления*. М., 1962. С. 172–211 (Ilyenkov E.V. *The Understanding of Abstract and Concrete in Dialectics and Formal Logic*. In Russian).

Ильенков 1973 — *Ильенков Э.В.* Гегель и проблема предмета логики // *Философия Гегеля и современность*. М., 1973. С. 120–144 (Ilyenkov E.V. *Hegel and the Problem of the Subject-matter of Logic*. In Russian).

Ильенков 1974^a — *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1974 (Ilyenkov E.V. *Dialectical logic*. In Russian).

Ильенков 1974^b — *Ильенков Э.В.* Мышление и язык у Гегеля // Доклады X Международного гегелевского конгресса. Выпуск IV. М., 1974. С. 69–81 (Ilyenkov E.V. *Thinking and Language in Hegel*. In Russian).

Ильенков 1974^b — *Ильенков Э.В.* Гегель и герменевтика // *Вопросы философии*. М., 1974. № 4. С. 66–78 (Ilyenkov E.V. *Hegel and Hermeneutics*. In Russian).

Ильенков 1977 – *Ильенков Э.В.* Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. М., 1977. № 6. С. 92–96 (Ilyenkov E.V. *Consideration of the Question on the Relation of Thinking and Language (Speech)*. In Russian).

Ильенков 1979 – *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. М., 1979. № 7. С. 145–168 (Ilyenkov E.V. *The Problem of the Ideal*. In Russian).

Ильенков 1987 web – *Ильенков Э.В.* Диалектика и герменевтика // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М., 1987. С. 133–163. <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/iljenkov-evaljd-vasiljevich/dialektika-i-germenevtika> (Ilyenkov E.V. *Dialectic and Hermeneutics*. In Russian).

Ильенков 1991 – *Ильенков Э.В.* Откуда берется ум? // Философия и культура. М., 1991. С. 30–42 (Ilyenkov E.V. *Where does Reason come from?* In Russian).

Ильенков 1997 – *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997 (Ilyenkov E.V. *Dialectics of the Abstract and the Concrete in the Scientific Theoretical Thinking*. In Russian).

Ильенков 2009 – *Ильенков Э.В.* О положении с философией (письмо в ЦК партии). // Эвальд Васильевич Ильенков. М., 2009. С. 378–387 (Ilyenkov E.V. *On the Situation of Philosophy (Letter to the Central Committee of the Party)*. In Russian).

Клини 1957 – *Клини С.К.* Введение в метаматематику. М., 1957. (Kleene S. *Introduction to Metamathematics*).

Клини 1973 – *Клини С.К.* Математическая логика. М., 1973. (Kleene S. *Mathematical Logic*. Russian translation).

Кондаков 1954 – *Кондаков Н.И.* Логика. М., 1954 (Kondakov N.I. *Logic*. In Russian).

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1960 (Marx K. *Das Kapital*. Bd. I. Russian translation).

Мещеряков 1968^a – *Мещеряков А.И.* Обсуждение проблем развития психики при дефектах органов чувств у человека // Вопросы психологии. М., 1968. № 5. С. 157–160 (Meshcheriakov A.I. *Discussion of Problems of the Development of Mind in a Human Being with Defects of Sensory Organs*. In Russian).

Мещеряков 1968^b – *Мещеряков А.И.* Как формируется человеческая психика при отсутствии зрения, слуха и речи // Вопросы философии. М., 1968. № 9. С. 109–118 (Meshcheriakov A.I. *How the Human Mind is Formed in the Absence of Sight, Hearing and Speech*. In Russian).

Мещеряков 1971 – *Мещеряков А.И.* Развитие средств общения у слепоглохонемых детей // Вопросы философии. М., 1971. № 8. С. 125–135 (Meshcheriakov A.I. *The Development of the Means of Communication in Blind-deaf-mute Children*. In Russian).

Мещеряков 1974 – *Мещеряков А.И.* Слепоглохонемые дети. М., 1974 (Meshcheriakov A.I. *Blind-deaf-mute children*. In Russian).

Сироткин 1977^a – *Сироткин С.А.* Чем лучше мышлению вооружаться – жестом или словом? // Вопросы философии. М., 1977. № 6. С. 96–101 (Sirotkin S.A. *Which is the Better Way for Thinking to Arm itself – by Gesture or Word?* In Russian).

Сироткин 1977^b – *Сироткин С.А.* Переход от жеста к слову // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. М., 1977. № 2. С. 53–60 (Sirotkin S.A. *The Transition from Gesture to Word*. In Russian).

Сироткин, Шакинова 1988 – *Сироткин С.А., Шакинова Э.К.* О концепции «искусственного формирования» человеческой психики в тифлосурдопедагогике // Дефектология. М., 1988. № 1. С. 16–22 (Sirotkin S.A., Shakenova E.K. *On the Conception of the ‘Artificial Shaping’ of Human Mind in the Blind-deaf Pedagogy*. In Russian).

Строгович 1949 – *Строгович М.С.* Логика. М., 1949 (Strogovich M. S. *Logic*. In Russian).

Тарский 1948 – *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948 (Tarski A. *Introduction to Logic and to the Methodology of Deductive Sciences*. Russian translation).

Чёрч 1960 – *Чёрч А.* Введение в математическую логику. М., 1960 (Church A. *Introduction to Mathematical Logic*. Russian translation).

Ilyenkov and Language

Igor Hanzel

The article analyses the relation of E.V. Ilyenkov to the phenomenon of language. His approach, it is shown, had its roots in his explication of notion of ideal which led him to assign priority to work with respect to language at a general level as well as at the level ontogenesis of human infants. Two additional factors shaped his approach to the phenomenon of language. The first was his negative approach to disciplines investigating the structure of language: mathematical logic, logical semantics, and philosophy of language. The second was his treatment of Hegel's philosophy from which he took over only those features that were appropriated and further developed by Marx. The article gives an analysis of Ilyenkov's view on the educational process of deafblind children in Zagorsk and it shows that this view contradicted the views on that process presented in the works of Meshcheryakov and Sirotkin. Finally, the article provides a characterization of work and of its relation to work.

KEY WORDS: Ilyenkov, ideal, labour, language, mathematical logic, logical semantics, ontogenesis, deaf-blind-mute children, Zagorsk.

HANZEL Igor – Philosophical Faculty, Comenius University, 814 99 Bratislava, Slovakia.
DSc in Philosophy, Department of Logic and Methodology of Science.

hanzel999@hotmail.com

Received at September 4, 2018.

Citation: Hanzel, Igor (2019) "Ilyenkov and Language", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 117–127.

DOI: 10.31857/S004287440003879-1